

УДК 159.9

DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-4-337-348

Совість: історія пізнання, стан в сучасній Росії, представлення студентів.

Частина 1. Трансформація совісті в епоху постмодерну

Х. Ван¹, В. Х. Манеров^{✉2}, А. Е. Фрай²

¹ Аньцинський педагогічний університет, Китай, провінція Аньхой, г. Аньцин, ул. Цзисянь, д. 1318

² Російський державний педагогічний університет ім. А. І. Герцена,
191186, Росія, Санкт-Петербург, наб. річки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Хаоюй Ван, e-mail:
wanghaoyu904045570@126.com

Валерий Хайдарович Манеров,
SPIN-код: 3161-5276,
ResearcherID: D-9752-2017,
ORCID: 0000-0002-5085-5133,
e-mail: manvh@yandex.ru

Андрей Евгеньевич Фрай
e-mail: adlerfrei@mail.ru

Для цитирования:

Ван, Х., Манеров, В. Х., Фрай, А. Е.
(2020) Совість: історія пізнання,
стан в сучасній Росії,
представлення студентів.

Частина 1. Трансформація совісті
в епоху постмодерну. *Психологія
чоловіка в освіті*, т. 2, № 4,
с. 337–348.

DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-
4-337-348

Получена 14 октября 2020;
прошла рецензирование
19 октября; принята 19 октября
2020.

Права: © Авторы (2020).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотація. В статті прослідковується історія пізнання совісті як духовно-нравственного феномена. Представлені різні теоретичні позиції на шляху пізнання: інтуїтивізм, еволюціонізм і емпіризм, наші дні по мірі розвитку науки відображені в теоцентричній, антропоцентричній і соціоцентричній трактовках природи совісті. Показано, що весь феномен совісті не може бути розкритий в межах природно-наукового пізнання, оскільки совість виконує духовні функції і має суперечливу, антиномічну природу, визначає суттєве і ситуативне різноманітність її проявів. Підкреслено актуальність вивчення стану моральності і совісті, які є індикатором морального стану суспільства. Охарактеризовані загальносвітові тенденції в трансформації совісті і моральності в епоху постмодерну. Обґрунтовується тезис про те, що стан моральності і совісті є найважливішим індикатором стану суспільства або іншої культури. Обговорюється проблема суттєвого зниження рівня моралі і моральності, стану совісті в сучасному російському суспільстві, стан якого характеризується як соціальна аномія. Суть соціальної аномії в тому, що декларовані в суспільстві цінності (наперед всього матеріальні) не можуть бути реально досягнуті більшістю без порушень закону і моральних норм, що призводить до масовим порушенням законодавчих і моральних норм, супроводжених деградацією совісті. Показані риси збереження позитивних представлень про совість у молодих людей (школярів, студентів). В той же час дослідники виявляють наявність в молодіжній середі тенденції до неприязні совісті, розцінюваної як перешкода в досягненні життєвої успішності. Ця тенденція найбільш виразно прослідковується в шкільному віці і в меншій ступені — у студентів. По мірі досягнення зрілості представлення про совість стають більш повними, зберігаючи позитивну модальність. Обґрунтовується необхідність розвитку психології моральності як самостійного напрямку психологічної науки, яке могло б сприяти зміцненню позицій психологічної науки в дослідженнях духовно-нравственной проблематики, так і вирішенню багатьох завдань, що виникають в соціальній практиці.

Ключевые слова: совість, духовно-нравственный феномен, сучасні тенденції, соціальна аномія, представлення про совість, позитивність представлень, зниження рівня позитивності, совість як перешкода успішності.

Conscience: The history of the concept, the state of affairs in modern Russia, and students' views.

Part 1. Transformation of conscience in the postmodern era

H. Wang¹, V. Kh. Manerov^{✉2}, A. E. Frai²

¹ Anqing Normal University, 1318 Jixian North Road, Anqing, Anhui Province, China

² Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Haoyu Wang, e-mail:
wanghaoyu904045570@126.com

Valery Kh. Manerov,
SPIN: 3161-5276,
ResearcherID: D-9752-2017,
ORCID: [0000-0002-5085-5133](https://orcid.org/0000-0002-5085-5133),
e-mail: manvh@yandex.ru

Andrey E. Frai
e-mail: adlerfrei@mail.ru

For citation:

Wang, H., Manerov, V. Kh., Frai, A. E. (2020) Conscience: The history of the concept, the state of affairs in modern Russia, and students' views. Part 1. Transformation of conscience in the postmodern era. *Psychology in Education*, vol. 2, no. 4, pp. 337–348. DOI: [10.33910/2686-9527-2020-2-4-337-348](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-4-337-348)

Received 14 October 2020;
reviewed 19 October 2020;
accepted 19 October 2020.

Copyright: © The Authors (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article reviews the history of research on conscience as a spiritual and moral phenomenon and various theoretical positions in the course of its cognition: intuitionism, evolutionism and empiricism, which, as science continues to develop, are reflected in theocentric, anthropocentric and sociocentric interpretations of the nature of conscience. It is shown that the entire phenomenon of conscience cannot be revealed within the framework of natural science, since conscience performs spiritual functions and has a contradictory, antinomical nature that determines the essential and situational diversity of its manifestations. The authors emphasize the urgency of studying morality and conscience, which indicate the moral state of society. The paper characterizes global trends in the transformation of conscience and morality in the postmodern era. The authors hypothesize that the state of morality and conscience is the most important indicator of the state of a particular culture. The paper discusses the problem of a significant decrease in the levels of morality and ethics, the state of conscience in the modern Russian society, which is characterized as social anomie. On the one hand, the authors observe that features of positive ideas about conscience are preserved among young people. On the other, research reveals a tendency among the young towards rejecting conscience which is regarded as an obstacle in the way of achieving success. This tendency may be observed most clearly in school-age children and, to a lesser extent, in university and college students. As an individual reaches maturity, the concept of conscience becomes more complete while retaining positive modality. The authors suggest that there is a need to develop the psychology of morality as an independent area of psychological science, which would contribute to both enforcing the positions of psychological science in the study of spiritual and moral problems, and solving many problems that arise in social practice.

Keywords: conscience, spiritual and moral phenomenon, modern trends, social anomie, ideas of conscience, positivity of ideas, decrease in the level of positivity, conscience as a hindrance to success.

Феномен совести в течение многих веков неизменно привлекал пристальное внимание мыслителей, выявляющих основные проблемы человеческого существования и пути их решения. Неизбежным в этом процессе был растущий интерес к явлению, появившемуся, как сегодня принято считать, еще в эпоху материнского родового строя (7–6 тысячелетия до н. э.), описанному, к примеру, в хтонических мифах Древней Греции. Первоначально это были ужасные богини Эринии, наказывающие человека за преступления, прежде всего в отношении матери. В процессе исторической трансформации нравственности эти образы постепенно гуманизировались, преображались, в том числе под влиянием религиозных верований, в итоге превратившись в некую таинственную сущность,

присущую всем культурам. В философии принято считать, что данное сущностное единство можно определить понятием «духовный архетип человечества», имеющий символическую природу, именуемый, согласно К. Юнгу, архетипом бессознательного (Семушкин, Нижников 2013, 57–59). Принципиально сходные, но в чем-то исторически отличающиеся процессы оформления духовного архетипа как сущности человека происходили в христианстве, индуизме, буддизме, конфуцианстве, даосизме, других религиях. Это явление, длившееся тысячелетиями, означало в итоге обострение у человека нравственного чувства и способностей, вплоть до переживания им, в идеале, метафизической вины и ответственности за все живое. В итоге в феномене, названном совестью, парадоксаль-

ным образом сочеталось его присутствие как знакомого во внутреннем мире каждого, или почти каждого человека, и невозможность его полного осмысления. Неизбежным стало и многообразие толкований образов, свойств, функций совести, которое сопровождало ее познание всеми доступными человечеству способами изучения окружающего мира и человека в нем: помимо философского и конкретно-научного подходов, включающих, прежде всего, гуманитарные науки, она изучалась в религии, различных искусствах. Свой ценный вклад вносило и житейское познание совести, воплощенное в мифах, легендах, сказаниях, пословицах, способное по-своему раскрывать тайны совести, почти без ограничений, связанных со способностями слушателя, читателя, его возрастом и т. д.

В конгломерате уже добытых знаний трудно выявить наиболее эффективные пути познания совести. Постепенно крепло понимание того, что вся полнота этого духовно-психического феномена не может быть раскрыта в рамках естественно-научного познания, поскольку совесть выполняет и духовные функции, возникающие и познающиеся прежде всего в религиозном опыте. Более того, без духовного компонента могут утрачиваться его важнейшие качества. По этой причине складывались традиции интеграции научных, религиозных, художественных познавательных возможностей. Психология, по природе своего предмета претендующая на центральное место в познании совести, объединяла свои возможности с философией, социологией, культурологией и лингвистикой, педагогика сотрудничала со всеми социогуманитарными науками и т. д. Духовная составляющая, присутствующая в этом феномене, включающая экзистенциальные переживания, трансцендентные явления, духовные откровения, выведившая ее за пределы возможностей академической парадигмы психологической науки, не в последнюю очередь явилась источником возникновения ее гуманистической и экзистенциальной парадигм. Известны и попытки изучения совести в христианской психологии, активно воссоздававшейся в России в последнее десятилетие прошлого и первое десятилетие нынешнего веков (Братусь 1985; Братусь, Воейков, Воробьев и др. 1995; Зенько 2007; Манеров 2004; 2009).

Из вышесказанного становится понятнее, почему, как пишут, к примеру, А. В. Семушкин, С. А. Нижников, «вряд ли кто может определить с достоверностью понятие совести, однако нет такого человека, который бы не испытал ее мук

и не знал, что она такое» (Семушкин, Нижников 2013, 163). При этом в большинстве известных определений подчеркивается, что основная функция совести — это побуждение человека к тому, чтобы творить добро и избегать зла. В словарях В. Даля, Брокгауза и Эфрона, в словаре по общественным наукам именно различение и выбор лежит в определении феномена. Но «неизбежно возникает вопрос о возможности понимания сущности добра и зла, исторически меняющейся, ее специфики в разных культурах» (Сабиров, Соина 2010, 349). К тому же оказалось, что работающая совесть в своем функционировании выполняет множество связанных с этим кардинальным выбором функций: она определяет актуальные жизненные смыслы, побуждает к определенным поступкам, контролирует их нравственный характер, наказывает или награждает нравственными переживаниями при совершении выбора и его последствий, совершает «нравственный мониторинг» жизненного пути личности, как в ретроспективном плане, так и в прогнозе будущего, и т. д. Выполнение и контроль многих функций совершается либо мгновенно, либо в ходе внутренних диалогов в сознании, при обращении к недрам бессознательного и сверхсознательного.

В реализации этих функций проявляется также антиномически противоречивый характер совести. Антиномии отражают сущностное и ситуативное многообразие ее проявлений, и далее мы приведем их (примерный) перечень: «духовная — душевная», «трансцендентная — имманентная»; «божественная — воспитуемая»; «абсолютная — относительная»; «врожденная — приобретаемая», «свободная — детерминированная»; «рефлексивная — интуитивная»; «стимулирующая — репрессирующая развитие»; «адаптивная — дезадаптивная» и др. (Манеров 2009). В целом антиномии отражают уже отмечавшееся удивительное разнообразие феномена, его взаимодействующих механизмов, парадоксальность и неочевидность их жизненных проявлений. По этому поводу создатель собственной концепции совести К. Юнг выразился просто: «...совесть является сложным феноменом <...> сложности феномена соответствует его пространная эмпирическая феноменология» (Юнг 1995, 1). К тому же опыт совести, равно как опыт ее познания, как писал русский религиозный философ И. А. Ильин, «...подобен опыту молитвы и опыту художественному, а не опыту научного анализа, синтеза и доказательства, поэтому так сложен феномен совести для исследования» (Ильин 2004, 160). Несомненно, но слабо выявлены эмпирически также функции

вышеотмеченной духовной составляющей совести, решающей экзистенциальные и трансцендентные проблемы. В этом контексте В. Д. Шадриков отмечает, что «...в духовных способностях проявляется личность <...> можно сказать даже более, духовные способности составляют сущность индивидуальности человека» (Шадриков 1998, 97). Поэтому несомненно тесная взаимосвязь функции совести как органа нравственности человека и ее функций как органа его духовного развития, поскольку «духовное развитие заключается и в развитии добродетелей, совершенствовании ума, накоплении знаний, воспитании эстетического чувства, нравственного совершенствования» (Шадриков 1998, 50). Более того, по мнению автора, «духовные способности есть единство интеллектуальных способностей и нравственности» (Шадриков 1998, 65). Необходимо здесь также подчеркнуть, что понятие совести, ее природа неразрывно с феноменом нравственности, поэтому многие специалисты-этики называют совесть фактически синонимом нравственности (Сабилов, Соина 2010, 380). Более конкретная взаимосвязь между терминами раскрывается в определении совести как многоаспектного духовно-психологического механизма нравственности; то же, но на уровне социума, можно сказать в отношении понятия морали. С учетом сложной, нелинейной эволюции совести в исторической этике подчеркивается, что «совесть является таким феноменом, который человечество вынуждено переоткрывать заново в каждую человеческую эпоху, а каждый отдельный человек — в своей жизни» (Семущкин, Нижников 2013, 163). Тем не менее, как считают В. Ш. Сабилов и О. С. Соина, несмотря на значительные усилия, «...глубокий и достоверный категориальный анализ совести до сих пор еще не представлен в этической теории, как отечественной, так и зарубежной» (Сабилов, Соина 2010, 381).

В процессе изучения совести постепенно складывались различные теоретические позиции, базирующиеся на различных исходных гипотезах о природе феномена. Первоначально это были интуитивизм, основанный на гипотезе о божественной природе совести, трактуемой как голос Бога, порождение трансцендентного мира, и эволюционизм, в основе которого лежит гипотеза о совести как о чисто человеческом феномене, продукте воспитания, зависящего от социальных условий и личностных качеств обладателя (Ильин 2016, 34–35). Постепенно, со становлением конкретных научных дисциплин, сложилось также традиционное для на-

уки направление, названное эмпиризмом. Отмечается развитие антропоцентрической парадигмы, соперничающей с традиционной социоцентрической парадигмой, доминировавшей в СССР (Барсукова 2013). Антропоцентрический подход интересен тем, что он является шагом на пути к выявлению вышеописанной трансцендентной и метафизической природы совести, влекущей человека за пределы обычного, материального, к реализации его духовно-сущностных сил. Еще одним, теоцентрическим, подходом может быть названо направление, развивающееся на стыке теологии и христианской психологии, ставящее в основу совести духовные составляющие феномена (Братусь 1985; Братусь, Воейков, Воробьев и др. 1995; Зенько 2007). Все возникающие направления изучения совести в определенной мере отражают и ее историческую эволюцию, процессы формирования ее духовно-нравственной природы, проблемы и достижения в ее познании. Следует также напомнить, что в развивавшейся в отечественной психологии социоцентрической парадигме нравственность и совесть рассматривалась в рамках как личностного, так и деятельностного подходов, основной акцент ставился на ее социальной и культурно-исторической детерминации (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев).

Важно добавить, что в рамках многовековой истории формирования совести ее сущность, а вместе с ней сущность морали и нравственности, как это предвосхитил Ф. М. Достоевский, может приобретать различные, иногда уродливые формы у некоторых людей, в их сообществах, странах, культурах. Это явление извращенной совести трактуется в этике как факт глобальной антиномии в противостоянии с истинной совестью. На ее полюсах, с одной стороны, совесть как судья и законодатель в поиске моральной истины, с другой — извращенная совесть, основанная на особом, вплоть до бесчеловечного, понимании добра и зла, нравственности и безнравственности. Отметим, что, «как и любое явление духовно-нравственного порядка, совесть может принимать различные социокультурные облики <...>. Извращения совести многообразны», как резюмируют В. Ш. Сабилов и О. С. Соина (Сабилов, Соина 2010, 382). Так, в нацистской Германии была сформирована, как пишет в своей книге Клаудиа Кунц, чудовищная «расовая совесть», с собственным апостолом в лице А. Гитлера, выведившая целые группы населения за пределы юридической защиты и даже права на жизнь (Кунц 2007). В СССР со времен Октябрьской революции и массовых репрессий

активно внедрялась в сознание «классовая совесть» как оппозиция «буржуазной совести классовых врагов», также позволявшая совершать массовые преступления в отношении «социально чуждых» граждан. К сожалению, она еще слабо изучена в исторической этике и психологии.

Состояние нравственности и совести является, очевидно, важнейшим и чувствительным индикатором состояния той или иной культуры в разных планах ее рассмотрения. Как писал И. А. Ильин, христианская совесть есть «живая и цельная воля совершенству ... первый и глубочайший источник чувства ответственности... основной акт внутреннего самоосвобождения... живой и могущественный источник справедливости...» (Ильин 2004, 83). Там, где исчезает совесть, продолжает философ, «...ослабевает чувство долга, расшатывается дисциплина, гаснет чувство верности, исчезает из жизни начало *служения*, повсюду воцаряется продажность, взяточничество, измена и дезертирство; все превращается в бесстыдное торжище, и жизнь становится невозможной» (Ильин 2004, 83). Поэтому, продолжает философ, совесть — это «живая основа элементарно упорядоченной или тем более расцветающей культурной жизни» (Ильин 2004, 83). В отношении глобальной эволюции нравственности, знака ее направленности выдвинуты взаимоисключающие версии: с одной стороны, это постепенное, нарастающее совершенствование нравственного чувства и совести в филогенезе, происходящее на основе группового естественного отбора и культуры (Эфроимсон 2004), с другой — это неизменное в историческом плане состояние нравственности, включающее, впрочем, периоды ее упадков и возрождений. Однако само существование определенных исторических периодов, характеризующихся снижением уровнем морали, нравственности, совести, не поддается сомнению. Так, в первой половине XX века, особенно после Первой и Второй мировой войны, в годы, пограничные с наступлением эпохи постмодерна, тема гуманитарного кризиса, включающего кризис нравственности, возникла как кризис человека массовой культуры, носителя «кризисного сознания», позднее именуемого «потребительским сознанием». Кризисные явления были описаны многими философами и социологами, писателями и теологами, назовем лишь позиции некоторых: К. Ясперса, Х. Ортега-и-Гасета, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Э. Фромма, А. Вебера, О. Хаксли, Д. фон Гильдебранда, И. Иллича, обсуждавшихся в нашей статье (Манеров 2014). В основу негативных оценок

и прогнозов была положена концепция отчуждения человека от результатов собственного труда, отторжения его творческих сил, блокирующего его самореализацию. В роли главной враждебной силы такого мира выступает техническое окружение, порабощение человека машинами. Как подчеркивал М. Хайдеггер, «почти мгновенно» в историческом исчислении в европейской культуре исчез источник духовной жизни, предполагающий наличие смысла мира и человеческих судеб, приведший к появлению человека, существующего без внятного ответа на вопрос «а зачем?» (Хайдеггер 2002). Уже в наши дни известный писатель и семиотик Умберто Эко наблюдает ставший повседневным и явным феномен «восхваления зла», которое, как он пишет, прежде производилось тайно: «Сегодня это показывают по телевидению, и дети смотрят на это за ужином» (Паризи 2007). С. Б. Токарева приходит к выводу, что кризис духовности порождается комплексной причиной, включающей в себя три момента: теологический, проявляющийся в утрате религиозного чувства, метафизический, связанный с девальвацией абсолютных ценностей, и культурологический, выражающийся в общей дезорганизации жизни и потере человеком смысложизненных ориентиров (Токарева 2003). Тема влияния техногенных факторов на психику человека обострилась в ходе масштабной технологической революции, стремительно развивающейся информационно-коммуникативной среды. К концу XX века среди гуманитарных проблем человека в окружившем его многомерном информационном пространстве актуальнейшими становятся проблемы воздействия СМИ, их негативного влияния на нравственное сознание и поведение сотен миллионов людей, формирования их под заданные образцы (Павлова 2007, 642; Кара-Мурза 2001; 2013). При этом также отмечается, что новая эпоха знаменовалась масштабным технологическим прогрессом, проникающим во все сферы человеческой деятельности, с ее наступлением связывают повышение жизненного уровня населения, и не только в развитых странах Запада (Извеков 2008). Развивается и современная, локальная версия эволюции этики, усматривающая появление новых этических форм в эпоху постмодерна. Отмечается при этом, что после Второй мировой войны «стала невозможной вера в идеалы проектов модерна — Просвещения, вера в преобразующую силу науки и искусства <...> вера в торжество коммунистической перспективы...» (Извеков 2008, 137). Подчеркивается, что теперь «...знание прививает не “компетенцию”, а компетентность,

социально-политические институты формируют не идеалы, а нормы, в категориях которых нет таких, которые соответствовали бы понятиям блага, смысла и конечной истины» (Извеков 2008, 139). По мнению Ж.-Ф. Лиотара, сегодня всюду наблюдается упадок того доверия, которое западный человек на протяжении последних двух столетий питал к принципу всеобщего прогресса человечества (Лиотар 1998). Эта идея возможного или необходимого прогресса основывалась на твердой уверенности, что развитие искусств, технологий, знания и свободы полезно человечеству (Горных 2001). Поэтому возникает, как считал Э. Фромм, новая, социально-имманентная этика (Фромм 1992). Она порождает человека, ею же поглощенного, ставшего «рабом машины», но обеспеченного комфортом, индустрией массовых развлечений. В итоге цивилизация второй половины XX века оказалась индифферентной по отношению к морально-этическим проблемам. Если человек модерна (вплоть до середины XX века) еще признается нравственным, то постмодернизм, называемый «миром уставшей западной цивилизации», породил человека, скорее гедонистически расслабленного. При этом, пишет Фромм, «...свобода от авторитета Бога, церкви, тоталитарной власти оставляет его один на один со своим страхом, усиленным естественнонаучным фактом смертности человека...» (Фромм 1992, 156). Вместо самостоятельного определения смысла жизни в диалоге с собственной совестью человек становится псевдоличностью, подчиняясь воле анонимного большинства, искажая, минимизируя собственное Я до размеров, диктуемых выгодами потребления и подчинения (Фромм 1992, 158). К тому же неизвестна, по мнению ряда философов, форма и сама судьба нравственности в новом глобальном мире. По этому поводу звучат их риторические вопросы. Например, А. А. Гусейнов спрашивает: «...Где в этом социологическом космосе располагаются ниши индивидуальной свободы, зоны морально ответственного поведения?» (Гусейнов 2009, 17–18). Он же ставит вопрос о новой нравственности в этом мире: «Невыявленной остается смысловая перспектива глобального мира, а, соответственно, и глобального этоса как адекватного ему душевного строя и состояния общественных нравов» (Гусейнов 2006, 25).

На этом фоне общемировой тенденции к трансформации совести и нравственности для нас чрезвычайно важно изучение влияния актуальных процессов в изменении морали, нравственности, состояний совести в конкрет-

ных странах, культурах. В подобной ситуации оказалась Россия, где в качестве основного возмущающего фактора рассматривается чрезвычайно жесткий характер проводившихся в стране политических, экономических и социальных преобразований, ввергнувший значительную часть общества в состояние стресса, депрессии, апатии, агрессии, приведших к резкому увеличению смертности и снижению рождаемости, росту наркозависимости, алкоголизма, расцвету преступности. При этом, согласно данным С. Кара-Мурзы, разрушение ядра нравственности происходило начиная еще с пятилетия перестройки, в форме так называемой сексуальной революции, под влиянием обилия агрессивных сцен в телепродукции, путем обесценивания, высмеивания героического прошлого страны (Кара-Мурза 2001). Очевидно, что в этих условиях состояние совести россиян, их нравственности и морали общества в целом были подвергнуты серьезной опасности.

Обширный спектр различных негативных воздействий на психическое, моральное состояние россиян вызвал активную исследовательскую реакцию психологов-исследователей уже в 90-е годы и в последующие десятилетия. В этой связи декларируется необходимость и реализуется интенсивное развитие сравнительно новых и актуальных научных направлений, названных психологией и социологией нравственности. Как пишут А. Л. Журавлев и А. В. Юревич, «неисчерпаемость и разнообразие нравственной проблематики диктуют необходимость выделения ее приоритетных для отечественной психологической науки слагаемых» (Журавлев, Юревич 2012, 11). В качестве важнейшего приоритета называется такое явление, как «нравственное состояние современного российского общества» (Журавлев, Юревич 2012, 11). В этой и в дальнейших работах А. В. Юревич, А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков и их коллеги из Института психологии Российской академии наук, анализируя удручающие данные криминальной статистики в России, приходят к выводу о моральном коллапсе, нравственной деградации, испарении, коррозии моральности (Журавлев, Юревич 2012; Юревич 2012; Юревич, Ушаков 2009). Помимо учета данных криминальной статистики, подобные оценки выносились исследователями и по другим основаниям: по данным опросов экспертов, оценивавших изменение состояния морали в годы перестройки и в последующие годы, по результатам социологических опросов населения (Журавлев, Юревич 2012, 21–41).

При этом в качестве объясняющего деградацию нравственности в России теоретического конструкта указывается социальная аномия (по Дюркгейму, Мертону) — состояние, в котором пребывает российское общество, особенно его молодое поколение. Социальная аномия характеризуется тем, что декларируемые в обществе основные ценности, прежде всего материальные, не могут быть реально достигнуты большинством без нарушений закона, что неизбежно приводит к массовым нарушениям закона и морали, деградации совести (Кара-Мурза 2001; 2013; Журавлев, Юревич 2012). В работе о трех основных элементах поддержания нравственности в обществе А. В. Юревич утверждает, что все они переживают в российском обществе глубокий кризис, означающий также общий кризис системы поддержания нравственности (Юревич 2012). В публикации 2013 г. А. Л. Журавлев и А. В. Юревич определяют основные шесть разделов психологии нравственности, оставляя, однако, в стороне кросскультурные исследования (Журавлев, Юревич 2013). В недавней статье А. В. Юревича рассматриваются результаты психологических и социологических исследований нравственного состояния современной российской молодежи (Юревич 2018). Он по-прежнему приходит к выводу, что рассмотренные исследования, в том числе выполненное автором статьи, демонстрируют негативное состояние морали и нравственности в современной России. Делается вывод, что «инфраструктура порока» работает в стране лучше всех других инфраструктур. Но при этом в статье приводится, по его словам, «некоторое утешение», утверждается, что происходящее в этой сфере в нашей стране соотносится с международными тенденциями, состоящими, в частности, в снижении уровня доверия людей друг к другу в США и Англии. Кроме того, как утверждает А. В. Юревич, оптимизм в отношении улучшения нравственного состояния нашего общества подтверждается и динамикой соответствующего индекса. Этот индекс фиксирует такие слагаемые нравственной атмосферы общества, как уровень 1) жестокости, 2) бесчеловечности, 3) несправедливости, 4) цинизма. При расчетах используются соответствующие показатели (количество убийств на 100 000 жителей; количество детей, оставшихся без попечительства родителей; индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов, а также индекс коррупции). Обнаружено, что таким образом количественно оцененное нравственное состояние нашего

общества обнаруживает положительную динамику (Юревич 2018).

Однако проводившиеся опросы разных слоев населения приносили иногда неожиданные результаты. Так, в одном из них при расчете средних оценок респондентов определялось нравственное состояние «среднего россиянина», условно названного Иваном Ивановичем. По содержанию его ответов был сделан вывод, что средний россиянин — «вполне нравственный человек» (Перевезенцев 2007). Отмечается также, что в проведенном Институтом социологии Академии наук в 2007 г. опросе, результаты которого опубликованы в официальном портале Института под названием «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты», отмечается, что «...в целом россияне демонстрируют достаточно высокий морально-нравственный уровень, во всяком случае, на словах» (Молодежь новой России 2007). Сообщается, что в отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или по меньшей мере неэтичными, более половины опрошенных высказываются резко негативно и заявляют, что они никогда не могут быть оправданы. Их никогда не смогли бы оправдать более $\frac{3}{4}$ опрошенных как среди молодежи, так и среди людей старшего возраста. Но при этом, отмечают исследователи, «сегодня понятия морали и нравственности, по мнению многих наших сограждан, и особенно молодежи, приобретают зачастую характер анахронизмов, пользоваться которыми — значит обречь себя на неуспех». Также указывается, что «в ходе исследований многие респонденты признают, что трудности, с которыми им приходится сталкиваться в разных сферах жизни, вынуждают их к серьезной “инвентаризации” ценностей. В результате большинство молодежи (55 %) сегодня вынуждены признать, что их успех в жизни во многом зависит от умения вовремя закрыть глаза на собственные принципы и соглашаться с тезисом, что “современный мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить моральные принципы и нормы”. Противоположной точки зрения придерживается лишь 44 % молодежи» (Молодежь новой России 2007).

Далее рассмотрим современные исследования совести, в которых выявляются социальные представления об этом феномене. В диссертационной работе Л. Ш. Мустафиной при анализе структуры социальных представлений о совести студентов выделяется характеризующее в целом выборку респондентов позитивно окрашенное «константное ядро» представ-

лений, а также менее устойчивая, различная для респондентов разного пола, возраста, региона «периферия», включающая как позитивные, так и негативные представления (Мустафина 2012). Кроме того, измерялась «нравственная направленность», выявляемая как показатель ДЗ (добро-зло), измеряемый с помощью методики «Добро — Зло» А. М. Попова и др. (Попов, Голубева, Устин 2008). Как выяснилось, при показателе ДЗ выше среднего по выборке ядро представлений респондента содержит больше позитивных, традиционных для русской культуры представлений, характеризующих и его духовную силу, и ментальную независимость. При значениях ДЗ меньше среднего, совесть респондентов представлена как мешающая инстанция, источник зависимого поведения.

В монографии М. И. Воловиковой, А. Ш. Мустафиной отмечается не только «очевидное падение общественной и личной нравственности», но также и «начало нравственного возрождения» (Воловикова, Мустафина 2016). Теоретическим основанием их исследования объявлены труды С. Московичи и его последователей по тематике социальных представлений (СП). Указывается, что «...именно представление определяет построение субъективной картины мира и является удобным объектом анализа причин поведения» (Воловикова, Мустафина 2016, 77). Авторы также размышляют о перспективах нравственного развития современного российского общества, отмечая зависимость этих перспектив от нынешнего состояния совести (Воловикова, Мустафина 2016, 75). Упоминается и то, что в лабораторном эксперименте уже была показана связь между представлениями и поступками, приводятся работы в этом направлении, применительно к представлениям о справедливости, празднике, демократии, ответственности русских и французских студентов. Далее описываются результаты исследования, проведенного в основном на старшеклассниках и студентах из Москвы и Казани. На первом этапе изучалось понимание совести, отраженное в народных пословицах, поговорках, в итоге были отобраны 39 наиболее часто встречающихся суждений. Они вошли в состав анкеты для основного этапа работы, где выявлялась структура СП и находились взаимосвязи этой структуры с нравственной направленностью личности респондентов (Воловикова, Мустафина 2016, 82). Изучались также ассоциации респондентов со словом «совесть», рисовались ее символы. Всего обследовалось 823 человека, но в основном этапе участвовали 333 человека. Небольшую отдель-

ную группу составили также пожилые жители Москвы и Подмосковья. Авторы также упоминают, что в комплекс используемых методик входит и тест Л. М. Попова «Добро и зло» (Попов, Голубева, Устин 2008). Согласно общей гипотезе исследования, структура представлений молодежи о совести включает в себя как общую, так и специфическую составляющие; последняя связана с полом, возрастом, регионом проживания молодых людей, а также с нравственной направленностью их личностей (Попов, Голубева, Устин 2008, 84). По результатам частотного анализа выяснилось, что наиболее частыми ассоциациями со словом *совесть* оказались для старшеклассников следующие слова: *честность* (29 %), *честь* (17 %), *стыд* (14 %), *душа* (14 %), *ум и разумность* (10 %). Также встречались слова, связанные с отсутствием совести, типа: *ее нету, пустота, ничто* (14 %). Только у девочек выявились такие ассоциации, как: *вина, проступок, мучения* (12,8 %). Студенты чаще всего ассоциировали совесть со словом *честность* (48 %), далее — *честь* (24 %), *порядочность* (18 %), *ответственность* (16 %), *доброта* (15 %), *искренность* (13 %), *долг, уважение, разум* (по 10 %). Только 3 % студентов указали на *отсутствие совести*. При рисовании символов совести у мальчиков и у девочек в 31 % случаев обнаружилась тенденция к рисованию опасных, острых предметов, таких, к примеру, как *иголки и колючки*. Лишь 17 % респондентов символизировали совесть позитивными образами: *цветок, улыбка, солнышко* и т. п. Выяснилось, что представления студентов более содержательны, чем у школьников (Попов, Голубева, Устин 2008, 93). В целом, отмечают авторы, исследование «показало сохранность в представлениях молодых людей понимания совести, традиционного для российского менталитета, как важнейшего регулятора отношений в социуме, источника полноценного нравственного развития». Вместе с тем «обнаружена и тенденция, которая в дальнейшем может привести к отрицанию значения совести» (Попов, Голубева, Устин 2008, 127). Эта тенденция более отчетливо выражена у школьников, менее — у студентов. Также отмечается, что представления о совести пожилых более полны и также положительны, но наблюдается тенденция к сужению их представлений о совести.

В работе Н. Г. Брюховой и С. В. Агафоновой изучался феномен креативности и человечности, при этом последняя рассматривалась как проявление нравственности. Эмпирическое исследование, выполненное авторами в течение 2012–2016 гг., проводилось на выборке

из 992 педагогов и психологов. В итоге обнаружено, что у молодых людей «человечность» и «креативность» развиты на «среднем уровне». При этом у обучающихся и начинающих специалистов психолого-педагогического направления (особенно у девушек), в сравнении с другими выборками, слабо развиты функции понимания «добра» и «зла». Делается вывод, что для формирования профессионально значимых качеств будущих специалистов этого профиля необходимы особые усилия для их нравственного развития, обучения их нравственному выбору. Получены также данные об отрицательной корреляции уровня креативности как проявления самоактуализации с такими переменными, как «добро» и «коэффициент человечности», а также о положительной корреляции уровня креативности со «злом». Таким образом, отмечают авторы, развитие креативности у молодежи приводит к снижению уровня ее нравственного развития по показателю человечности. Отметим, что этот вывод согласуется с данными опроса, сделанного сотрудниками Института

социологии Российской академии наук, где нравственное поведение воспринимается молодежью как фактор, приводящий к «жизненной неуспешности», тогда как успех в жизни достигается, по их мнению, путем нарушения моральных принципов (Брюхова, Агафонова 2017).

Таким образом, обзор современных исследований позволяет констатировать, что в эпоху постмодерна наблюдаются трансформации совести, прежде всего, у младших поколений, которые на фоне сохранения позитивных представлений о совести склонны в то же время расценивать ее как помеху в достижении жизненного успеха. Эти тенденции определяют необходимость развития психологии нравственности как самостоятельного направления психологической науки, что будет способствовать, с одной стороны, укреплению позиций психологической науки в исследованиях морально-нравственной проблематики и, с другой стороны, решению многих задач, возникающих в социальной практике и актуальных для современного российского общества.

Литература

- Барсукова, С. А. (2013) Концептуальное поле феномена «совесть» в психологии. *Психологический журнал*, т. 34, № 1, с. 36–44.
- Братусь, Б. С. (1985) *Нравственное сознание личности (Психологическое исследование)*. М.: Знание, 64 с.
- Братусь, Б. С., Воейков, В. Л., Воробьев, С. Л. и др. (1995) *Начала христианской психологии*. М.: Наука, 236 с.
- Брюхова, Н. Г., Агафонова, С. В. (2017) Человечность и креативность в нравственном развитии молодежи. *Российский психологический журнал*, т. 14, № 1, с. 39–61. DOI: 10.21702/rpj.2017.1.3
- Воловикова, М. И., Мустафина, Л. Ш. (2016) *Представления о совести в российском менталитете*. М.: ИП РАН, 144 с.
- Горных, А. А. (2001) «Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма». *Философия эпохи постмодерна*. В кн.: А. И. Мерцалова (ред.). *Постмодернизм. Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис, с. 605–609.
- Гусейнов, А. А. (2006) Идеи универсализма и самобытности (о возможности глобального этоса). В кн.: И. Т. Касавин (ред.). *Наука и религия. Междисциплинарный и кросскультурный подход*. М.: Канон-Плюс, с. 26–42.
- Гусейнов, А. А. (2009) Этика и мораль в современном мире. В кн.: А. А. Гусейнов. *Этическая мысль: современные исследования*. М.: Прогресс-Традиция, с. 5–18.
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (2013) Психология нравственности как область психологического исследования. *Психологический журнал*, т. 34, № 3, с. 4–14.
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (ред.). (2012) *Нравственность современного российского общества: психологический анализ*. М.: ИП РАН, 413 с.
- Зенько, Ю. М. (2007) *Основы христианской антропологии и психологии*. СПб.: Речь, 912 с.
- Извеков, А. И. (2008) *Проблема личности постмодерна. Кризис культурной идентификации*. СПб.: СПбГУ, 243 с.
- Ильин, Е. П. (2016) *Психология совести. Вина. Стыд. Раскаяние*. СПб.: Питер, 288 с.
- Ильин, И. А. (2004) *Основы христианской культуры; Путь духовного обновления*. СПб.: Шпиль, 351 с.
- Кара-Мурза, С. Г. (2001) *Манипуляция сознанием*. М.: Эксмо-Пресс, 830 с.
- Кара-Мурза, С. Г. (2013) *Аномия в России: причины и проявления*. М.: Научный эксперт, 264 с.
- Кунц, К. (2007) *Совесть нацистов*. М.: Ладомир, 400 с.
- Лиотар, Ж.-Ф. (1998) *Состояние постмодерна*. СПб.: Алетейя, 159 с.
- Манеров, В. Х. (2004) О методологии христианской психологии. В кн.: С. А. Гончаров (ред.). *Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций. Материалы Покровских педагогических чтений 2001–2003 гг.* СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, с. 72–81.

- Манеров, В. Х. (2009) Методологические проблемы измерения и результаты исследования свойств и состояний совести. *Acta Eruditorum*, № 6, с. 3–9.
- Манеров, В. Х. (2014) Совесть как показатель духовно-нравственных проблем информационного общества. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*, № 171, с. 315–327.
- Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. *Институт социологии ФНИСЦ РАН*. (2007) [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html (дата обращения 13.10.2020).
- Мустафина, Л. Ш. (2012) *Структура социальных представлений учащейся молодежи о совести. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. М., ИП РАН, 23 с.
- Павлова, Е. Д. (2007) *Сознание в информационном пространстве*. М.: Academia, 684 с.
- Паризи, Ж.-М. (2007) Умберто Эко: «Нынешнее поколение славит зло». *ИноСМИ.ру*, 16 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/world/20071116/237868.html> (дата обращения 13.10.2020).
- Перевезенцев, С. В. (2007) Большой хочет выздороветь. О духовно-нравственном состоянии современного российского общества. *Перспективы*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/nashe/bolnoj_khochet_vyzdorovet_o_duhovno-nravstvennom_sostojanii_sovremennogo_rossijskogo_obshhestva_2007-03-13.htm (дата обращения 14.10.2020).
- Попов, А. М., Голубева, О. Ю., Устин, П. Н. (2008) *Добро и зло в этической психологии личности*. М.: ИП РАН, 240 с.
- Сабиров, В. Ш., Соина, О. С. (2010) *Этика и нравственная жизнь человека*. СПб.: Дмитрий Буланин, 488 с.
- Семускин, А. В., Нижников, С. А. (2013) *Духовное познание и архетипы философских культур Востока и Запада*. М.: ИНФРА-М, 231 с.
- Токарева, С. Б. (2003) *Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности*. Волгоград: ВолГУ, 256 с.
- Фромм, Э. (1992) *Человек для себя*. Минск: Коллегиум, 253 с.
- Хайдеггер, М. (2002) *Бытие и время*. СПб.: Наука, 450 с.
- Шадриков, В. А. (1998) *Духовные способности*. М.: Магистр, 182 с.
- Эфроимсон, В. П. (2004) *Генетика этики и эстетики*. М.: Тайдекс Ко, 304 с.
- Юнг, К. Г. (1995) *Аналитическая психология: прошлое и настоящее*. М.: Мартис, 309 с.
- Юревич, А. В. (2012) Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе. *Вопросы психологии*, № 6, с. 20–34.
- Юревич, А. В. (2018) Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества. *Ярославский педагогический вестник*, № 4, с. 168–179.
- Юревич, А. В., Ушаков, Д. В. (2009) Нравственность в современной России. *Социологический журнал*, № 1, с. 70–86.

References

- Barsukova, S. A. (2013) Kontseptual'noe pole fenomena "sovest'" v psikhologii [Conceptual field of the "conscience" phenomenon in psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 34, no. 1, pp. 36–44. (In Russian)
- Bratus', B. S. (1985) *Nravstvennoe soznanie lichnosti (Psikhologicheskoe issledovanie) [Moral consciousness of personality (Psychological research)]*. Moscow: Znanie Publ., 64 p. (In Russian)
- Bratus', B. S., Voejkov, V. L., Vorob'ev, S. L. et al. (1995) *Nachala khristianskoj psikhologii [Beginnings of Christian psychology]*. Moscow: Nauka Publ., 236 p. (In Russian)
- Bryukhova, N. G., Agafonova, S. V. (2017) Chelovechnost' i kreativnost' v нравstvennom razvitii molodezhi [Humanness and creativity in the moral development of young people]. *Rossiiskij psikhologicheskij zhurnal — Russian Psychological Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 39–61. DOI: 10.21702/rpj.2017.1.3 (In Russian)
- Efroimson, V. P. (2004) *Genetika etiki i estetiki [Genetics of ethics and aesthetics]*. Moscow: Tajdeks Ko Publ., 304 p. (In Russian)
- Fromm, E. (1992) *Man for himself*. Minsk: Kollegium Publ., 253 p. (In Russian)
- Gornykh, A. A. (2001) "Postmodernizm, ili logika kul'tury pozdnego kapitalizma." *Filosofiya epokhi postmoderna ["Postmodernism or the cultural logic of late capitalism". Philosophy of the postmodern era]*. In: A. I. Mertsalova (ed.). *Postmodernizm. Entsiklopediya [Postmodernism. Encyclopedia]*. Minsk: Interpresservis Publ., pp. 605–609. (In Russian)
- Gusejnov, A. A. (2006) Idei universalizma i samobytnosti (o vozmozhnosti global'nogo etosa) [Ideas of universalism and identity (on the possibility of a global ethos)]. In: I. T. Kasavin (ed.). *Nauka i religiya. Mezhdistsiplinarnyj i krosskul'turnyj podkhod [Global perspectives on science and spirituality]*. Moscow: Kanon-Plus Publ., pp. 26–42. (In Russian)
- Gusejnov, A. A. (2009) Etika i moral' v sovremennom mire [Ethics and morality in the modern world]. In: A. A. Gusejnov. *Eticheskaya mysl': sovremennye issledovaniya [Ethical thought: Modern researches]*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., pp. 5–18. (In Russian)

- Heidegger, M. (2002) *Bytie i vremya [Being and time]*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 450 p. (In Russian)
- Il'in, E. P. (2016) *Psikhologiya sovesti. Vina. Styd. Raskanyanie [The psychology of conscience. Guilt. Shame. Repentance]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 288 p. (In Russian)
- Il'in, I. A. (2004) *Osnovy khristianskoj kul'tury. Put' dukhovnogo obnovleniya [Foundations of Christian culture. The path of spiritual renewal]*. Saint Petersburg: Shpil' Publ., 351 p. (In Russian)
- Izvekov, A. I. (2008) *Problema lichnosti postmoderna. Krizis kul'turnoj identifikatsii [The problem of postmodern personality. The crisis of cultural identity]*. Saint Petersburg: St Petersburg University Publ., 243 p. (In Russian)
- Jung, C. G. (1995) *Analiticheskaya psikhologiya: proshloe i nastoyashchee [Analytical psychology: Past and present]*. Moscow: Martis Publ., 309 p. (In Russian)
- Kara-Murza, S. G. (2001) *Manipulyatsiya soznaniem [Manipulation of consciousness]*. Moscow: Eksmo Publ., 832 p. (In Russian)
- Kara-Murza, S. G. (2013) *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya [Anomy in Russia: Causes and manifestations]*. Moscow: Nauchnyj ekspert Publ., 264 p. (In Russian)
- Koonz, C. (2007) *Sovest' natsistov [The Nazi conscience]*. Moscow: Ladomir Publ., 400 p. (In Russian)
- Liotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna [The postmodern condition]*. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 159 p. (In Russian)
- Manerov, V. Kh. (2004) О методологии християнской психологии [On the methodology of Christian psychology]. In: S. A. Goncharov (ed.). *Dialog otechestvennykh svetskoj i tserkovnoj obrazovatel'nykh traditsij. Materialy Pokrovskikh pedagogicheskikh chtenij 2001–2003 gg. [The dialogue between Russian secular and church educational traditions. Proceedings of the Intercession Pedagogical Readings 2001–2003]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 72–81. (In Russian)
- Manerov, V. Kh. (2009) Metodologicheskie problemy izmereniya i rezul'taty issledovaniya svojstv i sostoyanij sovesti [Methodological problems of measurement and results of research of properties and states of conscience]. *Acta Eruditorum*, no. 6, pp. 3–9. (In Russian)
- Manerov, V. Kh. (2014) Sovest' kak pokazatel' dukhovno-nravstvennykh problem informatsionnogo obshchestva [Conscience as an indicator of spiritual and moral problems of information society]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 171, pp. 315–327. (In Russian)
- Molodezh' novoj Rossii: obraz zhizni i tsennostnye priority. Analiticheskij doklad [Youth of new Russia: Lifestyle and value priorities. Analytical report]. *Institut sotsiologii FNISTs RAN [The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]*. (2007) [Online]. Available at: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html (accessed 13.10.2020). (In Russian)
- Mustafina, L. Sh. (2012) *Struktura sotsial'nykh predstavlenij uchashejsya molodezhi o sovesti [The structure of social representations of student youth about conscience]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Institute of Psychology of RAS, 23 p. (In Russian)
- Parisis, J.-M. (2007) Umberto Eko: “Nyneshnee pokolenie slavit zlo” [Umberto Eco: “The current generation glorifies evil”]. *InoSML.ru*, 16 November. [Online]. Available at: <https://inosmi.ru/world/20071116/237868.html> (accessed 13.10.2020). (In Russian)
- Pavlova, E. D. (2007) *Soznanie v informatsionnom prostranstve [Consciousness in the information space]*. Moscow: Academia Publ., 684 p. (In Russian)
- Perevezentsev, S. V. (2007) Bol'noj khochet vyzdorovet'. O dukhovno-nravstvennom sostoyanii sovremennogo rossijskogo obshchestva [The patient wants to get well. On the spiritual and moral state of modern Russian society]. *Perspektivy*. [Online]. Available at: http://www.perspektivy.info/rus/nashe/bolnoj_khochet_vyzdorovet_o_duhovno-nravstvennom_sostojanii_sovremennogo_rossijskogo_obshchestva_2007-03-13.htm (accessed 14.10.2020). (In Russian)
- Popov, L. M., Golubeva, O. Yu., Ustin, P. N. (2008) *Dobro i zlo v eticheskoi psikhologii lichnosti [Good and evil in the ethical psychology of personality]*. Moscow: Institute of Psychology of RAS Publ., 240 p. (In Russian)
- Sabirov, V. Sh., Soina, O. S. (2010) *Etika i нравstvennaya zhizn' cheloveka [Ethics and moral life of man]*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 488 p. (In Russian)
- Semushkin, A. V., Nizhnikov, S. A. (2013) *Dukhovnoe poznanie i arkhetypy filosofskikh kul'tur Vostoka i Zapada [Spiritual knowledge and archetypes of philosophical cultures of the East and West]*. Moscow: INFRA-M Publ., 231 p. (In Russian)
- Shadrikov, V. D. (1998) *Dukhovnye sposobnosti [Spiritual abilities]*. Moscow: Magistr Publ., 182 p. (In Russian)
- Tokareva, S. B. (2003) *Problema dukhovnogo opyta i metodologicheskie osnovaniya analiza dukhovnosti [The problem of spiritual experience and methodological foundations of the analysis of spirituality]*. Volgograd: Volgograd State University Publ., 256 p. (In Russian)
- Volovikova, M. I., Mustafina, L. Sh. (2016) *Predstavleniya o sovesti v rossijskom mentalitete [Conceptions of conscience in the Russian mentality]*. Moscow: Institute of Psychology of RAS Publ., 144 p. (In Russian)
- Yurevich, A. V. (2012) Tri istochnika i tri sostavnye chasti podderzhaniya нравstvennosti v obshchestve [Three sources and three component parts of maintaining public morality]. *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 20–34. (In Russian)

- Yurevich, A. V. (2018) Empiricheskie otsenki npravstvennogo sostoyaniya sovremennogo rossijskogo obshchestva [Empirical estimates of modern Russian society's morals]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik — Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 4, pp. 168–179. (In Russian)
- Yurevich, A. V., Ushakov, D. V. (2009) Npravstvennost' v sovremennoj Rossii [Morality in modern Russia]. *Sotsiologicheskij zhurnal — Sociological Journal*, no. 1, pp. 70–86. (In Russian)
- Zenko, Yu. M. (2007) *Osnovy khristianskoj antropologii i psikhologii* [Foundations of Christian anthropology and psychology]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 912 p. (In Russian)
- Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (2013) Psikhologiya npravstvennosti kak oblast' psikhologicheskogo issledovaniya [Psychology of morality as an area of psychological researches]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 34, no. 3, pp. 4–14. (In Russian)
- Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (eds.). (2012) *Npravstvennost' sovremennogo rossijskogo obshchestva: psikhologicheskij analiz* [Morality of modern Russian society: Psychological analysis]. Moscow: Institute of Psychology of RAS Publ., 413 p. (In Russian)